

СБОРНИК РАССКАЗОВ

НЕПРАВДА

НИКИТА КАФ

СБОРНИК
РАССКАЗОВ
«НЕПРАВДА»

НИКИТА КАФ

«Я думаю, что основная сила этих текстов в их какой-то неприличной искренности, многие из них вернули меня в такие приступы беспомощности, о которых я, казалось, давно забыла. Детство — это ведь всегда инвалидность. Это вроде уссурийских тигров или редких хомяков, которых все спасают, заваливают кормом и относятся снисходительно. Таким образом сборник под названием „Неправда“ становится правдой в самом не рафинированном смысле слова.»

Елизавета Кашинцева

Никита Каф
Сборник рассказов «Неправда»
Издательство «Дистопия», 2019. — 56 с.

Содержание:

Пролог	6
Тихий час	8
Черт	10
Ушла	11
Иже си нанебеси	12
Обида	13
Дедушка	14
Девочки со двора	17
День рождения	19
Порча	21
Отцовский запах	24
Клондайк	25
Поездки на дачу	27
Игровой делирий	31
Можно выйти?	34
Летучие мыши	35
Я случайно	37
Шея	38
Взфельный рожок	39
Сотки и петля	41
Пожар	43
Ранец	45
Закрой глаза	47
Хороший день (для эпилога)	53

ПРОЛОГ

Говорят, что человек не может помнить себя в год, а если и помнит, то это что-то придуманное постфактум, из услышанного или увиденного уже после. Но я, совершенно точно, помню. Воспоминания были о первой квартире, где я жил с бабушкой и братом, пока мама с папой работали на Черкизовском рынке, а ориентироваться во времени позволяет то, что вскоре мы уже переехали — это я уточнил у бабушки, чтобы убедиться в хронологии воспоминаний.

Помню в пространстве позывные радио «Маяк». Помню в комнате большую тумбу с зеркалом, покрытую вязанной салфеткой. Помню на кухне железный ящик, выходящий за окно, служивший холодильником, где хранилось что-то отдаленно похожее на еду.

Но кроме ориентиров заполнилось и одно событие. Был поздний вечер, в комнате было темно, а из коридора вдруг донесся неяркий свет. Приехали мама с папой. Мне с братом привезли «Киндер-сюрприз» с Флинстоунами, где оказалась фигурка Уилмы с сумочкой, в комплекте к которой шли наклейки-пятнышки, которые никому так и не удалось ровно наклеить.

После чего — пропасть, до переезда на другую квартиру, где из ранних лет вспоминается небольшой триптих кусочков разных событий.

Первое воспоминание скомканное, но благодаря яркой вспышке фотоаппарата, не забытое. Будто в момент

щелчка вспышка не только освещает фотокарточку, но и вбивает картинку в твою память. Так вот, я описался в колготки и зарыдал, от чего-то по-особенному раздосадованно. Пока меня успокаивала мама, нас на «Полароид» сфотографировал папа. На фото — улыбающаяся мама, обнимающая меня и навзрыд плачущий я, с большим пятном на колготках, трущий глаза руками.

Во втором воспоминании — ссора мамы с папой. Они активно перемещались по квартире и ругались. Больше всего кричала мама, папа будто боялся или признавал вину. Это выглядело не страшно, скорее даже воспринималось некоторой игрой. В конце которой мама бросила в папу феном.

А потом — мы с бабушкой и братом ходили на пасху к местному храму. Среди обычных раскрашенных яиц мы освящали пару «Киндеров» и, что сейчас воспринимается чем-то особо диковатым, пару упаковок каких-то соленых орешков, что наравне с «Киндерами» воспринимались лакомством к празднику. Открыть их бабушка разрешила нам только когда вернулись домой, как бы мы не упрашивали сделать это раньше.

ТИХИЙ ЧАС

В детском саду мне нравилась девочка.

По воспоминаниям, воспринималась она вроде как Одри Хепберн — аристократично и тонко, а звали ее Кристиной. Та девочка, на фоне которой чувствуешь себя заведомо неуклюже, всячески пытаюсь не выдать, что ты дурак. Так ведь не со всеми — с кем-то общаться интересней и проще, они будто сразу считывают, что ты дурак, их это устраивает, но влюбляешься в других.

У нее был тамагочи, что однозначно обозначало ее статус среди остальных. Причем не обычный, большой — еле уместяющийся в детских ладошках. У меня тоже был тамагочи, но не такой, а китайский, и прожил не больше суток. Не потому, что я его не кормил, а потому что в первый же день уронил его в детсадовский унитаз — оказалось, и такого достаточно, чтобы утопить котенка. Так у меня было со всеми игрушками — не вспомню ни одной целой, все были поломанными — либо изначально по факту дешевизны, либо валялись из рук и ломались. Не предназначен я был для них, видимо, судьба вносила коррективы, вела куда-то.

В вопросах любви нельзя недооценивать расстановку кроваток и предназначенное для тебя место среди них.

Письку мне показывала другая девочка — ее имя я не помню, помню только образ приподнятого одеяла. Ее кровать была по соседству, и у нас обоих было то, что удовлетворяло любопытство другого. Пока мы аккуратно приподнимали края одеял, показывая друг другу «что там», на кровати по центру комнаты со спущенными штанами прыгал Костя, накинув на плечи одеяло в виде плаща, успешно привлекая внимание Кристины, но не девочки с соседней кровати.

— А можно потрогать?

— Хорошо. А мне?

Одним пальцем, аккуратно и взволнованно — на мгновение, ценя проявленное доверие. Для чего предназначались эти части тела, мы не догадывались, переполняло лишь детское любопытство — словно рассматриваешь картинки в красочной книге с динозаврами. В такой книге, что в руках не удержать, а класть на кровать или пол и перелистывать страницы. Здесь же роль страниц играли тонкие, словно салфетки, одеяла с вырезом-ромбом, а динозавры были настоящие.

Как-то раз на обеде Костя дал мне под дых, и я начал плакать, но не сразу — только тогда, когда смог вдохнуть.

Из них всех — лицо помню только последнего.

ЧЕРТ

В детстве бабушка говорила, что нельзя говорить слово «черт». Все потому, что когда я произношу «черт» вслух — призываю этим самого Черта. Слушал ее, а в голове всплывал образ диснеевского персонажа с острым хвостиком и тонкими усишками, поэтому не очень боялся этой бытовой мифологии.

Но на всякий случай, как советовалось, три раза плевал через левое плечо — очень незаметно, чтобы никто не увидел, даже бабушка. Я же не верю в это все. Просто, на всякий случай.

ТЬфу-тьфу-тьфу.

УШЛА

По пути в детский сад очень закрутил живот, захотелось какать. Мама проводила меня до детского сада, воспитательница проводила меня в туалет. Я сделал дела, и мне стало полегче. Вышел из уборной, чтобы поделиться успехами с мамой, а она уже ушла. С трудом в это верил, переспрашивая у воспитательницы: «Ушла? А давно?».

Сидел один в зале детского садика, будто потерянный.

ИЖЕСИ НАНЕБЕСИ

Дома никого нет, бабушка на даче, а мама гуляет.

Я сижу на диване и в слезах обнимаю трубку домашнего телефона. Утираю соленые слезы рукавом кофты и перемещаюсь из комнаты в комнату. Останавливаюсь в маленькой комнате у бабушки, где на стене висит ковер и по шкафам стоит много икон. Я слезно умоляю их — каждого святого и конкретно «боженьку», чтобы ничего не случилось и все прошло, в процессе чего слезы наворачиваются еще сильнее и соленей. Подсознательно я пытался кому-то показать, как мне плохо, взывая еще громче, хоть зрителей и не было. Разве что судьбе, а, может быть, кому-то еще.

Особый надрыв случился, когда я увидел на полочке в комнате старую фотографию мамы — очень молодой, я ее такой никогда не видел. Она была там очень красивая и родная. Схватил это фото и сел на кровать, поджав под себя ноги. Я попробовал набрать мобильный телефон, но трубку никто не взял — а за окном так темно! Я начал в истерике молиться, но так как помнил только фрагменты «отче наш», то читал как мог: «ижеси нанебеси... да святится имя твое... да будет воля твоя... хлеб наш насущный...» — все подряд, не различая слов. После того как я несколько раз зачитывал всю молитву, что помнил, я добавлял от себя: «Боженька, сделай, пожалуйста, так, чтобы все было хорошо и мама вернулась домой, пожалуйста, боженька, умоляю тебя — я больше никогда-никогда не буду делать ничего-ничего плохого и мне больше ничего-ничего не надо».

Мама возвращалась.

ОБИДА

В пылу детской ссоры сильно обиделся на взрослых и до слез расстроился. Сел на пол возле дивана и, обняв собаку, рыдал в ее лохматое плечо, а она жалела меня, прижимаясь своей головой ко мне как можно сильнее. «Одна ты меня понимаешь», — говорила ей. А мама потом пересказывала домашним: «Обнимает собаку, рыдает и говорит: „Бедненький я, пряников не дают!“».

Это все неправда. Не было никаких пряников.

Или были, но они тут совершенно ни при чем.

Я пытался рассказать им, что на самом деле причина в чем-то ином, а не в этих пряниках, но меня никто не слушал, и становилось еще беспомощней от того, что мне никто не верит.

История с пряниками так и вошла в мамину библиотеку «забавных семейных историй, которые можно рассказать гостям».

Пряники тут ни при чем, как они не понимали? Было очень обидно. А единственный свидетель, что слышал меня и понимал, давным-давно умер.

ДЕДУШКА

Я бежал от дворовых ребят, а вслед мне слышались: «У него даже деда нет!» и скрипучий детский смех. Забежав в дом, чуть театрально я прыгнул в мягкие пуховые подушки, что моментально промокли от влажных щек. Успокоившись и усевшись на кровати, подогнув, словно йог, под себя ноги, я крутил в голове: «Почему я? Почему у всех есть дедушка, а у меня — нет?»

Не совсем понимая механизм становления дедушкой, я взялся подбирать себе деда. Залез в письменный стол брата, достал оттуда альбомный лист с карандашом и начал записывать претендентов. В основном — со двора. В список попали морщинистые, словно это синоним «мудрым», соседи. И почему-то добродушный хулиган из соседнего двора — его добавил из соображений, что тому точно было бы чему научить меня, всяким пацанским мудростям. А еще, как я думал, тот очень взрослый: «Семнадцать лет — это очень много». Подготовив список, что был весь в перечеркиваниях и исправлениях, я ждал бабушку, представляя, каким бы тот или иной кандидат был дедом. Послышался шорох у двери в прихожей.

— Ба! Привет-привет!

— Привет.

— Ба! А можно я выберу себе дедушку?

— Выберешь дедушку? Это как? — она засмеялась.

— Ребята во дворе дразнят, что у меня нет дедушки. А ведь у меня и вправду его нет!

— Ну ты чего, я же рассказывала, твой дедушка погиб на войне.

— Очень жалко. — Я грустно уставился в пол.

Может, и правда рассказывала. Наверно, очень скучно рассказывала, вот я и не запомнил.

И добавил:

— А нового? — Я протянул ей список кандидатов и ожидал реакции.

— Твой дедушка — мой муж. Нельзя просто так выбрать себе дедушку.

Подобное потрясение случилось со мной в последний раз, когда я пригрозил старшему брату: «Когда я вырасту, рожу сына, и он тебя побьет!», а старший вдарил сухой несправедливостью: «Рожают только девочки!»

Но я начал искать в ситуации пользу:

— А он убивал немцев?

— Он тушил бомбы, которые немецкие самолеты сбрасывали на улицы и дома Ленинграда.

Это звучало героически, но не то чтобы достаточно...

Я продолжал:

— Но может быть... Он же мог убивать фашистов?

Бабушка смутилась, но ответила: «Наверное, мог».

Это я и хотел услышать.

При первой же подвернувшейся возможности я так и заявил ребятам: «Он убивал фрицев! И умер за Родину!» Через пару лет я заметил несостыковку в датах и что-то заподозрил, вслед за чем узнал, что мой дедушка жив — просто он сбежал от бабушки в Америку во время перестройки, искать лучшей жизни. А еще что он — еврей, о чем бабушка советовала «лучше никому не говорить».

ДЕВОЧКИ СО ДВОРА

У нас во дворе были в основном одни пацаны. Компанию разбавляли две девочки.

Первая — моя ровесница, которая часто гуляла во дворе. Имени не вспомню, но точно какое-то обычное, что никогда не запомнишь с первого раза. Нормальная девочка, по разговорам взрослых — из неблагополучной семьи. Но я этого никогда не замечал.

Ее девичье внимание я воспринимал лишь до того момента, пока бабушка не собрала какой-то полиэтиленовый пакет с вещами и не позвала ее зайти к нам домой за какой-то одеждой или игрушками. Я про все это не знал, потому ее приход к нам в дом оказался для меня сюрпризом. Она входит в прихожую, а я вальяжно сижу на спинке дивана прямо напротив нее. В колготках. Я виду не подал, так и просидел до ее ухода. Мы, конечно, неловко поздоровались, каждый переживая свое: она пришла за какими-то поношенными вещами, освещая неблагополучность своей семьи; а я — в колготках. Но этот момент явно дал понять, что между нами — ни-ни.

Кто вообще посмотрит на мальчика в колготах?

Чуть не забыл про вторую... Так заперевживал из-за инцидента с колготами. Так вот, вторая — взрослая, лет пятнадцать, а то и больше. Звали ее Олесей. Она была что-то вроде мудрой старшей, которую все взрослые

поругивали за озорливость, а мы — слушали с открытыми ртами. У нее было много мальчиков, чуть позже — даже сожитель! Она много курила и томно выдавала какие-то советы нам, малышам, будто бы всю жизнь повидала. Я правду не знаю, но говорили, что она пьет и, возможно, что-то употребляет! Сирота, кажется.

Время шло, встречали мы ее все реже и реже. Внешний вид был все неприятней. Она жила в другом подъезде, но ее квартира примыкала прямо к нашей маленькой комнате общей стеной. Я прикладывал к ней ухо и слышал, как Олеся ссорится с сожителем. Было страшно, но любопытно. После чего лишь пару раз заставлял ее потрепанной в непонятных состояниях возле своего подъезда, рьяно куда-то собирающейся. Едва ли ее пример чему-то научил нас, скорее было жалко, что мы уже не узнаем каких-нибудь наставлений от нашей «старшой», которые нам так нравилось слушать.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Приезд отца был исключением. И вот — приехал на мой день рождения, и они с мамой повели меня в магазин игрушек. Магазин был маленький, с различными китайскими машинками и пистолетами, а в отделе по соседству продавалась пиротехника. Я сразу же прилип к витрине, за которой была машинка на радио-управлении, что мгновенно стала моей мечтой. Но мой выбор не оценили. Родители начали спорить и убеждать меня: «Смотри, какой большой крейсер для склеивания, а та китайская безделушка сломается через день!»

Я совсем не хотел этот вонючий крейсер, у меня уже была мечта — эта китайская машинка на радиоуправлении, которая сломается на следующий день. Из магазина мы вышли с огромной коробкой этой модели корабля для склеивания. Я расстроенный стоял с ней в обнимку. Отец снова куда-то уехал, и мы пошли домой. Мама остановила меня и серьезно спросила, желая, чтобы я перестал хмурить брови: «Тебе не нравится этот корабль? Хочешь, отдадим его обратно?» А я уже и не знал, хочу ли я его, но пути назад не было, и я выронил: «Отдавайте!»

Мы с мамой пошли обратно в магазин, где я думал, что вот-вот я получу свою машинку. Но нет. Мы просто вернули этот большой крейсер, что уже был у меня в руках — только донеси до дома. С ничем я шел домой

по пятам за мамой. Было очень грустно и обидно, зачем вообще все это было? На подходе к дому остановились у киоска, мама спросила: «Хочешь чего-нибудь?» — «Можно вот эту игрушку?» Мне купили. Это была дурацкая игра с шариками и водой, где надо было жать на две кнопочки, чтобы нацепить колечки на палочки. Вернувшись домой, я положил ее в шкаф и никогда больше не доставал. Не было ни крейсера, ни машинки, ни отца. Надо было сразу решаться, ведь модель была вправду большая и клевая, как я думал уже чуть позже.

ПОРЧА

Плохая идея для ребенка — блевануть на подходе к церкви. И не то чтобы для взрослого это здравая мысль. Воспоминание начинается с троллейбуса, мы с мамой ехали в церковь в Крещение. По пути мне стало плохо, мы уже подошли к выходу. Двери открылись, мы пошли прямо — по дороге к храму. В какой-то момент сердце начало колотиться, а дорога будто бы становится длинней — и конца не видно. И меня вырвало, прямо на снежную дорожку, где ходили люди. Было неприятно, но я мало что понимал — как вышло, так и отпустило. Мнения прохожих разделились на «могли бы и в сторону отвести» и «скорей к батюшке». Какая-то служба шла прямо за пару метров от нас, куда меня и втиснули батюшке с «рекомендациями» о произошедшем. Тот мало что понял, попросил маму без платка на голове выйти, а меня окропил святой водой. А мне уже было нормально, я сидел и ждал, что же произойдет дальше, держа в руках просфору — неплохой христианский сэк, если вы вдруг не пробовали.

Служба закончилась, мама спросила:

— Ты в порядке?

— Да.

Долго искать причину не пришлось, ведь какой ребенок позволит себе блевануть на пороге храма Божьего? Порча от бывшей нынешнего сожителя мамы.

После этого мне предстояло путешествие по необъятной Родине на большие и душевные службы, где служили батюшки посерьезней.

Скучно, рано вставать, и переживаешь за маму.

На одно из служений мы пришли с небольшим опозданием. Было слышно, что начали без нас. По основному залу разносилось чтение псалтырей и доносилось до каждого примыкающего коридора. Войти в центр было невозможно — все было забито людьми, как и в коридорах вплоть до выхода. Но все же где-то на проходе мы нашли место и сидели, слушали службу. Точнее, мама переживала, чтобы эта служба помогла мне, а я рассматривал лица людей вокруг.

Когда мы вышли со службы, было уже темно. Мама поинтересовалась у прихожан, где тут можно остановиться на ночь. Мы пошли в дом, который позиционировался как специальный, для приезжающих на служения. Сомнения возникли уже на подходе — это оказалось покосившееся деревянное здание, проход с крыльца прямо в подвал. Убедившись по вывеске, что пришли куда надо, решили спуститься и осмотреться, несмотря на то, что хозяев не обнаружили. Внизу нас встретила пугающая темнота и сырость. Свет лампочки из патрона еле освещал грязный подвал с раскладушками, ведром и какими-то тряпками. А на стенах висели распечатанные иконы. Я доверял маме и не капризничал, но она была возмущена помещением и всячески приправляла свое мнение интересными эпитетами. А я согласился, мол, да — ужас.

Мы направились дальше. Оказывается, рядом была трехзвездочная гостиница. Я никогда не был в гостиницах, было интересно. Войдя вовнутрь и окинув взглядом помещение, я испытал то чувство, когда ощущаешь несоответствие своего статуса месту. Тут еще и люди с бейджиками и в форме возле какой-то деловой стойки. Мама спросила на ресепшене цену на ночь, но она оказалась слишком высокой для нас. Когда мы выходили, мама привела мне сравнение: «Представляешь, на такие деньги мы могли бы тебе новый Аист купить», а я понимающе кивал, мол: «Да, это много...» В конце концов, домой мы поехали на попутке, которая оказалась дешевле этого самого отеля.

В какой именно момент я выздоровел от «порчи», я уже точно не помню, но прочие поездки давались легче и носили скорее профилактический характер, будто бы говоря: «Нехер было блевать на пороге церкви». В одной из поездок я встретил знакомого со школы — мы оба будто бы были застуканы за чем-то друг перед другом, после чего лишь перекинулись понимающими взглядами, говорящими: «И тебя тоже...» — и пошли, куда шли — за мамами. Было тепло и солнечно.

Эта история надолго превратилась в родительский аргумент в пользу веры (к которой я относился скептически), якобы обезоруживающий меня: «Ты просто не помнишь, как тогда практически умирал».

ОТЦОВСКИЙ ЗАПАХ

Когда отец в раннем детстве ушел из семьи, я долгое время обманывался существованием «отцовского запаха». Те редкие объятия отца, что остались у меня в воспоминаниях, ассоциировались с одним конкретным запахом. И исключительно с ним.

Взрослея, я мимолетно встречал где-то этот запах, понимая, что я его где-то слышал, и он был мне приятен. Сначала было неясно: «Ого, этот мамин знакомый пахнет отцом». В какой-то момент в голову пришло прозрение и разочарование. Таким образом в голове «запах отца» заменился «запахом пота».

Ну и пошел этот вонючий козел. Звонил мне, «Как дела?» спрашивал. Боялся меня, а я чувствовал это: «Нормально все», — говорил я и молчал. И он молчал. Оба молчали и боялись. Потом я говорил: «Даю маму», и на этом разговор заканчивался.

КЛОНДАЙК

Редкий поход за хлебом запомнился чем-то интересным или поучительным, но в тот день все было иначе. Пока я покупал нарезной, в зал забежал парнишка и начал шерстить под прилавком. Сначала он выглядел каким-то безумцем, но стоило ему достать руки из-под прилавка — пришлось изменить свое мнение. Теперь это был богатый безумец, на ладони у которого была россыпь мелочи — наверное, рублей десять. В отличие от меня, продавщица даже не заметила его.

Проведя в голове некоторую борьбу о моральности подобного поступка, я пришел вот к чему: так как, скорее всего, это укатившаяся мелочь, которую кто-то когда-то уронил у прилавка, была не поднята, то вряд ли она была сильно необходима. А еще — эту мелочь, наверняка, вычла продавщица из цены покупки. Подобное заключение наводило на мысль, что деньги все же могут принадлежать магазину, а достают их лишь при уборке. Но эта схема казалась слишком неудобной и скучной.

Так или иначе, я решил проверить работоспособность этого заработка. Первым прилавком оказался именно тот, где я покупал нарезной, пока более находчивый парнишка зарабатывал. Схема оказалась рабочей. В ближайшее время я раз в несколько дней уходил в азарт и проверял несколько пыльных полов под кассами. Заработок был стабильный — почти под каждой кассой (иногда могло укатиться чуть подальше, но это не проблема) было по несколько монет.

Но продолжалось это недолго.

Как-то раз, я шел в последний на очереди магазин. Он был с особо удобными прилавками — они были выше от пола, чем другие, так что мелочь было легче увидеть и легче достать. Стоило мне нырнуть под прилавок, сунув туда руку, как я ощутил над собой чей-то праведный гнев. Стоило мне поднять глаза, как из-за кассы меня начала ругать кассирша. Причем ругать не по-злему, а пристыжая. Я чуть не провалился на месте, после чего в жутком стыду выбежал из магазина. С тех пор я забросил это постыдное увлечение и никогда не возвращался в тот роковой магазин, чтобы не быть узнанным и пристыженным.

Если что, никогда не заходил туда — буквально. Магазины в том здании сменялись один за другим, а в конце концов его и вовсе снесли. Вместе с тем постыдным опытом.

ПОЕЗДКИ НА ДАЧУ

Каждое лето мы семьей выезжали на дачу. Когда с бабушкой и братом, когда с мамой и братом. Все вместе мы ездили туда редко, мама с бабушкой не могли спокойно прожить и дня, не поцапавшись по какой-нибудь бытовой ерунде, — маме с трудом удавалось переживать то количество присутствия бабушки в ее жизни, что уже было, а тут еще и отдохнуть не всегда удастся.

Жили мы в совсем маленьком домике с небольшой комнаткой, где умещались две кровати, и кухонкой. Питьевую воду нужно было носить из колодца, что в десяти минутах ходьбы — то с горки, то в горку, и мимо режущей осоки. Чаще всего я филонил, а воду нес брат или родители. Но когда это не удавалось, я с большим трудом, постоянно меняя руки, нес баклаху с водой, что так и норовила впитаться своей ручкой поглубже в ладонь.

К началу нулевых нам провели трубы с водой, но ею можно было разве что поливать огород — она была такой ржавой, что стоило кого-то в шутку окатить ею, как одежда приобретала оранжевый оттенок. Этим частенько занимался брат — он обольет меня холодной водой из шланга, а я давай бежать с визгами «Мааам, он опять!» А потом дожидался и мстил ему, когда он этого не ожидал. Но, конечно, вскоре об этом сильно жалел. Потому что у него было значительное преимущество в силе.

Ездить на дачу ни мне, ни брату не нравилось. Для меня это была скука смертная — там даже пацанов почти не было, гулять не с кем. А брата постоянно припахивали съездить за водой, в магазин к соседнему поселку за несколько километров, прополоть грядки и тому подобное. Но он хоть находил себе занятия, вроде рыбалки или, исключительно из спортивного интереса, ночного воровства картошки с поля по соседству, уползая и убегая от охраны на джипах. Бабушке, правда, эта картошка не нравилась — вон какая большая, а значит, вредная и вся в химии.

Как-то раз на даче были только мы с бабушкой. Я проснулся от стука в дверь, а бабушка продолжала спать. Спросонья я пошел и открыл дверцу, а передо мной оказалась какая-то темная женщина в неприглядной одежде, что спросила «Есть ли взрослые?», и я побежал будить бабушку. Она встала и пошла к незваной гостье. Та на ломаном русском изъяснялась, что у нее ребенок, а кушать нечего, одеться не во что: «Помоги, чем можешь». Бабушка сердобольно выслушала ее и пошла в комнату что-то искать. Денег у нас не было, потому она старательно отобрала некоторые мои старые вещички, из которых я вырос. Та приняла их и ушла.

Так я узнал про существование цыган, а также про то, как они попадают на дачные участки — выходят на случайной станции железной дороги и идут по всем участкам, что увидят.

На этом бы знакомство и закончилось, если бы не финал истории, подбивающий сделать некоторые совершенно конкретные выводы для меня, юнца. Через пару лет мы пошли собирать грибы, и когда я копошился в листве, в азарте ища грибные шляпки (а мне никогда не везло), нашел там свой старенький свитерок. Помню, как хорошо на нем сидели советские значки с мультиками. Это был он — совершенно точно, а рядом еще несколько убитых временем вещей. И это все было прямо в небольшом пролеске возле участков, что возле дороги к железнодорожным путям.

Я рассказал все родителям и брату, после чего стал не любить цыган.

«Они ведь могли просто его не брать?» — думал я.

Бывали завязки и посветлей. Как-то раз к нам на участок пришла бабушкина подружка, всем своим видом демонстрирующая некую статусность в обществе. Так вот, пока она рассказывала, как прекрасно съездила отдохнуть за рубеж, нам с братом были вручены забугорные жевательные резинки, которые мне предстояло пробовать впервые. Брат кратко проинструктировал: «Жуй, но не глотай. Потом выплунешь, когда кончится вкус». Так я и сделал.

Но на этом знакомство с заграницей не закончилось, ведь внутри пачек были настоящие тату-переводилки. Пока бабушка продолжала выслушивать хвастовство подруги, мы начали «забиваться». Воды

под рукой не было, потому все это дело было обильно смочено слюной. Аккуратно снимал защитную бумажку, хоть и оставались небольшие проплешины — нужно было обильней слюнявить! — пестрая татуировка завораживала. После чего мы пошли хвастаться обновками и выслушивали какие мы классные.

Но стоило соседке уйти, как бабушка вернулась к нам в домик и начала причитать о вреде этих переводилок — там ведь одна химия, которая впитывается прямо под кожу. Но все под контролем, ведь у нее были два старых махровых полотенца, которые она заранее смочила и дала нам отчищать модные обновки. Татуировки сходили с большим трудом, а вся рука была красная как рак, но даже когда дело доходило до такого раздражения, на коже еще оставались кусочки бывалой крутизны, с которой я дохаживал аж до поездки домой, в Москву.

ИГРОВОЙ ДЕЛИРИЙ

Рано утром, в каникулы, брат куда-то активно собирался. Я не понял куда, но тут же высказал своё «Тоже хочу». Недолго думая, родители всучили меня брату, поручив взять с собой. Как бы тот ни сопротивлялся, из подъезда он выходил уже со мной. Он — немного угрюмый, я — с ехидной улыбкой. Оказалось, что мы идем в компьютерный клуб.

Вышли мы где-то в половину восьмого, клуб был буквально через дорогу. Однако уже тогда нас ждала большая очередь. Мы успели застолбить свои места и ждали открытия дверей. С утра стоило сильно дешевле, целый час за десять рублей, или около того.

Самым большим откровением для меня оказалась GTA 3, которую я случайно увидел у кого-то на мониторе. Я подошел и спросил: «А что это?», на что мне рассказали, что это игра, в которой «можно всё». Я так и понял, пока смотрел, как парень катается по огромному городу, где он может быть медиком, таксистом, полицейским. И убивать проституток. Главный герой не умел только плавать — прямо как и я.

Стоило вернуться домой, как я рассказал всем про то чудо, что увидел в компьютерном клубе: «В той игре можно всё! Ты можешь кататься по городу, ходить пешком, заходить в магазины — делать ваще что угодно!» Но поиграть в нее мне удалось сильно позже. Ведь собственный компьютер у меня появился лишь пару лет спустя. Я пришел домой, а у нас там компьютерный

мастер. Он завершал настройку Windows и отвечал на бабушкины вопросы. Покупался компьютер, как и всем остальным, для учебы. Подошел брат, мы окружили мастера. Все настроив, он решил показать всем работоспособность компьютера на примере Unreal Tournament. Стоило ему запустить игру, как из колонок понеслось: «Мешок говна!», «Отсоси!», «Сдохни, сука!» Мастер немного порозовел щеками и сказал бабушке, что это все можно отключить в настройках — нажал ESC и поставил галочку «без матюков», после чего переглянулся с нами — мы хихикнули. Каждый из нас знал, что теперь-то, зная об этой озвучке, играть будем только с ней.

Когда мне в руки попал свежий диск с GTA: Vice City, восторгу, казалось, не было предела. Но была дача. Итак, отыграв всего пару дней в новейшую GTA, меня сослали на целую неделю дышать свежим воздухом на дачу. Сказать, что ожидание было ужасным — ничего не сказать. В игровом делирии я мысленно высекал засечки за каждый день, чтобы знать, сколько осталось до свободы и прекрасного московского воздуха. Вернувшись, я полностью окунулся в восьмидесятые, под палящее солнце, яркие неоновые вывески и увлекательную безнаказанность. В Vice City всё еще, как и в прошлой части, всё было как в жизни: можно давить людей, расправляться с мафией, ездить на мотоциклах, можно даже работать доставщиком пиццы! Но плавать главный герой всё еще не умел.

КОДЫ НА GTA: VICE CITY

PRECIOUSPROTECTION — 100% брони

ASPIRINE — 100% здоровья

LEAVEMEALONE — снять все звездочки

THUGSTOOLS — первый набор оружия

PROFESSIONALTOOLS — второй набор оружия

NUTTERTOOLS — третий набор оружия

BIGBANG — взорвать ближайшие машины

SEAWAYS — можно ездить по воде

PANZER — получить танк

МОЖНО ВЫЙТИ?

В первом классе я обосрался. Желудок — в целом не мое сильное место, как оказалось. Произошло это прямо вместе со звонком, по пути к классу. Тепло, скользящее по ногам, отчетливо говорило, что ситуация лучше уже не станет. Зачем-то я пошел и сел на свое место. С мокрыми глазами поднял руку и произнес имя классной руководительницы. Дождавшись ее «Что?», я сообщил на весь класс: «Я обкакался». И заплакал. Она вывела меня из класса и передала воспитательнице продленки — пожилой женщине, что с трудом передвигалась, а сама пошла звонить маме. Воспитательница отвела меня в уборную и попыталась помочь подтереться, но ситуация была беспросветная, и мы пошли в класс для продленки. Пока мы шли до него, я услышал хохот дежурных старшаков на этаже, после чего заметил торчащую сзади из-за пояса болтающуюся полосу туалетного рулона. Потом пришла мама с чистыми штанами, и мы пошли домой. Сильно не расстроился, но хотелось поскорее домой. Странное дело, что меня никто не дразнил после из-за этого.

Все прошло бесследно. В отличие от ситуации с одноклассницей Леной. В начале урока она подошла ко столу классного руководителя и начала речь, которая не успела завершиться: «Инна Павловна, можно в...» — на слове «выйти» Лену обильно рвет на Павловну и ее стол. Только после этого она была отправлена в туалет. Классная руководительница была очень недовольна, а ситуация запомнилась всем ребятам и время от времени всплывала: «А помнишь? „Бууээээ“». Все помнили.

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ

Летние каникулы были в самом разгаре, когда мы с другом сидели у меня дома и по очереди играли в Diablo 2, переключаясь между сохраненными персонажами. Он играл за Некроманта, а мой выбор пал на Друида, поэтому было интересно смотреть прохождение одних и тех же уровней разными персонажами.

Во время одной из подобных посиделок мы услышали странный звук со стороны кладовки. Игнорировать непонятный писк мы долго не смогли. Окончательно отвлекшись от компьютера, мы сели на диван и стали прислушиваться, пытаясь понять, что бы это мог быть за звук. Друг был не дурак и сразу вспомнил уроки по биологии, из-за чего выдал заключение: «Скорее всего, это летучие мыши».

С этого момента мы оба пересрались, мигом вышли на улицу и сели напротив подъезда. Друг продолжал нагонять страх своими познаниями в летучих мышах, подчеркивая беспросветность ситуации. Тут я смотрю на дом и вспоминаю, что в нем есть старые печные трубы — наверняка оттуда мыши и залезли ко мне в кладовку. Это был финал расследования, который окончательно привел меня в окончательно испуганное и беспомощное состояние. Друг сидел рядом и сочувствовал мне, ему-то туда не надо было возвращаться.

Но у нас еще остывал Diablo 2, а ждать маму или брата на улице было слишком сомнительно — кто знает, когда они вернутся. На параноичах мы пошли вдоль

дома искать кого-то, кто помог бы нам избавиться от летучих мышей. Лучик надежды появился в булочной, где я встретил маминого знакомого из соседнего подъезда. С уже влажными глазами я пытался объяснить ему, почему он должен подняться ко мне домой и помочь нам избавиться от летучих мышей. Он зажал под мышкой батон хлеба, за которым приходил в магазин, и пошел с нами:

«Пойдем, посмотрим, что у вас там».

По пути до подъезда мы всячески пытались объяснить ему нашу теорию о проклятых старых трубах и кровососах, которые почему-то выбрали убежищем именно мою кладовую. Он отнесся к нашим рассказам скептически, но не без осторожности. Зайдя в комнату, я говорю: «Слышите? Вон оттуда пищит». Он услышал и полез в самый эпицентр звука, откуда через мгновение достал банку соленых огурцов со вздувшейся крышкой. С героическим видом «ну, малые, даете» он развеял наши страхи и ушел в закат.

После такого стресса я распрощался с другом и сел дальше играть за компьютер. Играл, а сзади все еще время от времени посвистывала банка с огурцами, к которой я несколько раз подходил, прислушивался — точно ли звук исходит именно от нее — и возвращался обратно.

Беспокойный был день. А потом приехала мама и вскрыла соленые потроха этих летучих мышей, что послужили мне гарниром к ужину.

Я СЛУЧАЙНО

Мы с друзьями бегали по дворам с игрушечными пистолетами и автоматами, стреляющими пульками. Всё было по-серьезному, ведь друг для друга мы были мишенями. Набегавшись, мы опустили оружия в пол и пошли в сторону магазинов — у кого-то была мелочь на газировку.

Война эта оказалась не моей — я ни разу ни по кому не попал. Я оправдывался тем, что у меня был самый дурацкий пистолет, на что один из друзей сказал что-то язвительное по этому поводу, из-за чего стало так обидно, что я не сдержался и выстрелил ему прямо в затылок. От боли он схватился за голову, а я поторопился сказать, что сделал это случайно. Кажется, у друга были сомнения в этом, но недолго. И мы пошли дальше, куда шли. Разве что друг время от времени потирал рукой затылок, куда недавно прилетела пластиковая пулька.

Позже как-то спросил у друга, помнит ли он этот случай. История его рассмешила, но он сказал, что совсем не помнит такого. Но я помнил. А от того, что друг даже не придал этому значения и бесследно забыл, становилось еще стыднее.

ШЕЯ

Прозвенел звонок, и кабинет по английскому языку постепенно заполнялся одноклассниками, учительница пока не пришла. Я достал тетрадь с ручкой и стоял возле парты, как вдруг сзади подошел одноклассник и сделал какое-то театральное движение вокруг шеи, будто бы перерезая ее. Я ухмыльнулся и легко оттолкнул его в плечо, мол, хорош придуриваться.

Учительница зашла, все встали возле своих мест. Когда все стали приветствовать учителя, я обнаружил на себе взгляды всего класса — такое внимание ко мне было несвойственно. Вдруг кто-то сказал: «У тебя кровь идет», а я ухмыльнулся и не поверил. Но голоса звучали вновь и вновь, теперь уже с тревогой: «У тебя из шеи кровь течет, посмотри сам!» Подсознательно я довольствовался вниманием публики, что минуту назад была равнодушна к моей судьбе, и с нервной ухмылкой, говорящей «да ладно, ничего страшного», нащупывал кровающую царапину на шее.

Перепугавшиеся учителя отвели меня в медпункт, где прижгли царапину и накапали валерьянки, а одноклассник, на несколько минут сделавший меня звездой при помощи осколка стекла из шкафа в углу класса, зачем-то извинялся.

Позже я узнал, что его мама звонила моей и рассказывала, что тот раскаивается и очень сожалеет о случившемся. И что запирался в ванной и истошно рыдал. Было немного жалко его и неловко.

ВАФЕЛЬНЫЙ РОЖОК

Гуляя во дворе, да и просто идя по своим делам, всегда заставал в одном окне на втором этаже бабушку. Она постоянно сидела у окна и смотрела в небо либо на прохожих. Так на протяжении многих лет. Заглянешь в окно — и почти точно увидишь в нем эту бабушку. А другие выходили и сплетничали на лавочке целыми днями. Может, они не дружили? Или не имели общих интересов, может, ей собаки нравились? А бабуля снизу — кошатница, у нее с переменным успехом жило больше двадцати пяти кошек, которые в свою очередь тусовались на незастекленном балконе. Может, потому что места внутри не хватало.

Но все разрешилось в один момент. Как-то она окликнула меня: «Никита!», а я отозвался.

— Можешь сходить в магазин? — спросила она.

— Конечно! — ответил я.

Я подошел к подъезду и крикнул: «А какой код?» С горем пополам я вошел и поднялся на второй этаж. Передо мной оказалась та самая бабушка. Впервые в полный рост. Ее тело имело очень странные пропорции — тонкие, нормальной высоты ноги, а поверх — сплющенное, очень короткое тельце. Я взял у нее из рук мелочь и спросил: «А чего вам?» Она попросила купить обычный вафельный рожок за пять рублей. В легком шоке я сбежал вниз по лестнице и дошел до продуктового магазина, что находился в нашем же доме, и вернулся обратно. Сдачу она оставила мне.

Я так и не понял, к чему это признание. Кому вдруг внезапно понадобится рожок? При условии, что до этого я не замечал, чтобы она с кем-то контактировала. Она будто бы хотела дать знать о чем-то, что-то объяснить этим жестом, стать понятой. Но я лишь немного смутился и теперь, видя ее в окне, представлял, что ниже видимых головы и плеч, — непропорциональное, будто из мультика, тело.

СОТКИ И ПЕТЛЯ

Шел второй год правления Владимира Владимировича. Я с деревенскими ребятами скучал на террасе дачного дома. Родители уехали на ближайший рынок за продуктами. Закончив партию в карточную «верю не верю» (на самом деле она называлась «говно»), Димон — один из тех, кто постарше — обратился ко мне: «Хочешь, погадаю на картах? Вот загадай что-нибудь!» Не растерявшись, я загадал совершенно невероятную вещь: «Привезут ли мне родители с поездки за продуктами сто соток с покемонами?» У меня было много соток, но я никогда их не покупал. Откуда-то появился «капитал», а остальное выиграл во дворе. На сотки денег не было, потому я даже не представлял, как они выглядят в запечатанном виде. Каждый экземпляр моей убитой коллекции имел свою длинную историю.

Карты раскиданы, Димон сказал:

— Сбудется. А что загадал?

Я же не дурак. Конечно, не рассказал, иначе не сбудется.

Со скуки шатаемся по дому, и тут все внимание обращается на Илью, который показывает трюк. Он поднимается на порог дома, обматывает вокруг шеи толстую вещевую веревку, свисающую откуда-то с козырька дома, и резво прыгает вниз. И приземляется без единой царапины! С прыжком веревка замысло-

ватым образом распуталась и освободила его тощую шею. Но меня это не слишком впечатлило, в отличие от пацанов. Я заявил, что трюк «так себе», и отправился его повторять.

Обмотал веревку вокруг шеи, сложив ее каким-то хитрым образом. В ожидании триумфа, с заявлением «я могу не хуже!», прыгаю с крыльца. Что-то идет не так.

С прыжком вниз веревка не распуталась, а наоборот, впилась в мою шею, оставив на коже краснящую борозду. Схватившись за нее, я заревел и побежал искать уединения в нежилой комнате нашего дома. Меня переполняет страх — я же мог умереть! И слезы — все ребята видели мою неудачу!

Хлюпая носом и ожидая жалости к себе, слышу, как приезжают родители. Слышу, как пацаны рассказывают маме про случившееся. Она зашла ко мне в комнату, пожалела и сказала выйти на кухню — у нее есть для меня сюрприз. Утирая слезы, я медленно прохожу к пакетам с покупками.

Мама протягивает руку к одному из пакетов и достает оттуда упаковку соток с покемонами. Сказала, на рынке купили. А раньше ведь никогда не покупали — так у меня в голове и щелкнуло, но я никому ничего так и не рассказал про свое желание. И хоть соток было не сто, а всего десять, дурацкий трюк был искуплен.

Первого сентября на моей шее сияла краснящая борозда, привлекая внимание учителей и одноклассников. Когда спрашивали что-то о ней, было жутко стыдно, мямлил что-то себе под нос про какую-то случайность и натягивал ворот рубашки повыше.

ПОЖАР

Засиделся у друга и возвращался в темень домой. Оставалось пройти всего ничего, мимо гаражей, как на меня из темноты вышла стая бродячих собак. Рычание зазвучало в темноте практически синхронно, и они кинулись на меня. Я побежал от них в противоположную сторону, где было посветлее, — меж двух пятиэтажных домов — и упал на землю, свернувшись клубком. Собачьи челюсти впивались в куртку, штаны и волосы, пытаюсь оторвать что получится. Я крикнул «Помогите!», но тут же вспомнил совет, который дается всем на случай, если будет грозить какая-то угроза и понадобится помощь.

— Пожар! Пожар! Пожаааар!

Спустя пару мгновений собаки потеряли интерес и побежали дальше по дворам. Оглянувшись, я лишь убедился, что никто не откликнулся. Потом рассказывали, что эта же стая напала на многих людей, разорвав им руки или ноги. Этот случай породил во мне жуткий страх перед любимыми собаками.

Позже, как-то раз возвращаясь со школы, я заметил во дворе потасовку больших воронов и дворовых собак. Те напали на птиц, и разразилась настоящая борьба. Я забежал в подъезд и смотрел из окна на происходящее, коря себя за беспомощность перед ситуацией. Передо мной тощая дворняга по кусочкам раздирала большую

птицу. Когда ворон был уже практически повержен, кто-то заметил их и прогнал собаку, двинув ей по жопе и пожутив. Ворон умер там же и какое-то время оставался свидетельством моей слабости. Было гадко и обидно.

Страх перед собаками бесследно прошел лет через пять.

РАНЕЦ

Когда я спустился в подземный переход, мне в глаза бросился бледный бородатый старик, выбивающий резкие шаги из стороны в сторону и зачитывающий какой-то манифест. Некоторые зеваки останавливались и слушали, среди них оказался и я.

Тот зачитывал, а эхо повторяло:

«Мир не стоит на трех китах, а повис на детских плечах, словно огромный ранец с учебниками. Его лямки впиваются в плечи, ребенок грубеет и привыкает к ноше. Иногда он поправляет ранец, чтобы тяжесть не давила в одно место, и становится немного легче. Но бросить рюкзачок, который подарили родители, на землю — непозволительная крайность, что обрушит весь мир. Кто-то всю жизнь будет носить ранец со Спайдер-мэном или Нирваной, другие со временем предпочтут им серый и непримечательный, зато чуть более удобный, рюкзак, а третьи возьмутся за тяжелую ручку портфеля — несмотря на то, что лямки на плечах было бы нести гораздо легче.

Самый первый ранец ты не выбираешь, потому вынужден ходить с таким, какой достался — а причин не любить его может быть множество: будь он потрепанный и рваный, или же тебе совершенно не нравится Пикачу, а твоя сумка стилизована под его веселую желтую мордашку. Что из этого хуже — некорректный вопрос, задаваться им — пустая трата времени. К юности большинство выберет себе что-то поудобней,

но вскоре любой новехонький рюкзак потеряет свой лоск и, износившись, оголит свои изъяны — какие-то большей прочих впиваются в плечи, а какие-то больно давят на спину.

Жизнь — нести свой ранец, несмотря на его некачественность. Жизнь — борьба с собственной неполноценностью».

С неясным впечатлением я поднялся на улицу и продолжил дорогу домой. По пути вспомнил историю, как одни одноклассники обоссали портфель другого, а тот, найдя его, стал отряхивать сумку рукой и с нервной ухмылкой пытаться убедить наблюдателей: «Да это вода, пацаны! Понюхайте, не пахнет!» Бросив на полпути мысль о том, имеет ли эта история отношение к безумствам старика, я дошел до дома и окончательно отвлекся на отдых от школы и давящих на плечи лямок портфеля. Сняв его и окинув оценочным взглядом, сказал: «Да нормальный вроде портфель». И через мгновение мысленно добавил: «Главное, что не обоссанный».

Уплетал бутерброды с чаем и проверял, докачал ли ленивый интернет пиратскую копию «Контр-Страйк».

ЗАКРОЙ ГЛАЗА

Она была на пару лет младше меня. Момент непосредственного знакомства я не помню, но помню, как Эля, мелкая сестра моего одноклассника, которая училась с ней в одном классе, рассказала мне, что я нравлюсь Оле. А потом как-то на перемене показала на нее, вот, мол — ей! Еще я нравился и самой Эле, но проявлял к ней стойкое безразличие. Позже, когда на переменах мы стали пересекаться взглядами с Олей, стало ясно, что мы оба в курсе про ее симпатию. Пару раз даже сцеплялись в каких-то ироничных словесных перепалках.

Дальше этого отношения уйти точно не могли, если бы не аська. На тот момент контакт-лист в аське связывал людей куда больше, чем в последующую эпоху соцсетей.

Она написала мне.

Мы разговорились, о чем-то шутили, а после она предложила пойти гулять, но не просто так, а искать мне девушку — рыжую и смешную, что как бы означало статус прогулки как «не свидание». Чем ближе было время встречи, тем больше я сомневался, шутка ли это была про рыжую девочку, или нет. Но Оля совершенно точно не была рыжей.

Мы договорились встретиться у школы. Сердце колотилось. Она удивленно сказала что-то вроде: «Ты и вправду пришел». От волнения захотелось ссать.

Мы пошли в парк, что был совсем рядом. Мы шутили, обыгрывая нелепость ситуации, а потом просто — шутили. Я проводил ее домой. «Ох» — такая эмоция была внутри. Меня переполняли приятные чувства, к тому же это походило на что-то большее, чем просто прогулка, ведь мы оба знали о симпатии. Я ускорил шаг, чтобы не обоссаться.

Одной из следующих прогулок оказалась поездка к метро — бабушка мне дала денег на mp3-плеер. Мы приехали на автобусе до метро и зашли в «Связной», где я у продавца попросил плеер в пределах полутора тысяч рублей — выбор пал на металлический без дисплея, который мне сразу понравился. Оля стояла в стороне и ждала. Выйдя на улицу, в сторону дома мы решили пойти пешком. Как друг и подруга. Подруга, которой неловко мирится с моей напряженной отстраненностью. Мы шли по парку, гуляли. Вокруг все было засыпано снегом.

Проходя мимо школьной площадки, мы встретили ее подругу, и на какое-то время она стала нашим попутчиком. Начались заигрывания, в ходе которых Оля оказывалась завалена мной в сугроб — сам же я быстро вставал, будто боясь допустить чего лишнего. Ее подруга стояла рядом и явно чувствовала, что мешает нам, хоть и подхихикивала в атмосфере происходящего. К четвертому или пятому сугробу у меня уже совершенно точно встал член. На этой ноте я решил покинуть девочек, мол, уже нужно домой, а они остались болтать о чем-то вдвоем. Со стояком и первым в жизни плеером

я возвращался домой, слушая какую-то классическую мелодию в наушниках, которая была в него предзагружена. Звук в затычках казался потрясающим.

Так мы начали гулять. Из-за регулярности прогулок это точно можно было назвать «встречались».

Как-то, переходя по льду озеро, она оступилась, и я протянул руку и поддержал ее, но, убедившись в том, что она уже твердо стоит на ногах, отпустил. Спустя несколько минут она взяла меня за руку. Дальше мы рук не разнимали. Мне это понравилось, и я был ей благодарен, потому что сам бы ни за что не осмелился на это. Это был шаг, что окончательно обозначил доверие между нами. Мы оба подметили приятность рук друг друга. Это вправду было приятно. Но очень скоро прогулки стали тяжелей — я боялся мнимых обязанностей, морозился и не подпускал ее к себе ближе, а содержание наших бесед начинало эмоционально истощать меня. Я начал узнавать о происходящем в ее семье и о том, как она это переживает. И чем больше я узнавал, тем больше сопереживания это от меня требовало. Не то чтобы я не сопереживал ей — мне было ее искренне жалко. Но я был не готов к такому. Чем дольше продолжалась эта история, тем более жуткие вещи происходили.

Мы стояли у нее в подъезде, а она крепко обнимала меня обеими руками и плакала навзрыд. Я неуверенно гладил ее по волосам и что-то говорил под нос про «не плачь... все будет хорошо...», я никогда не умел выражать сочувствие людям какими-то уместными речами.

Но ей было достаточно моего присутствия.

Когда в очередной раз она плакала вот так мне в плечо, у меня что-то щелкнуло, будто появился какой-то барьер, что все эти соперевживания были лишь на автомате, так как реальных сил на них не осталось. Я начал отстраняться. Даже прогулки за руку как-то изменились — стал постоянно замечать липкость потеющих ладоней, вечно протирая их о штанину. В один из весенних дней она попросила меня подойти к ее дому. Мы поднялись к ней на балкон, что примыкал к лестничной площадке. Кто вообще в жизни на такие вещи обращает внимание, но был очень красочный закат. И она начала разговор, ради которого позвала: «Я на лето уезжаю к родственникам». Меня пробило разочарование, имеющиеся чувства оживились под угрозой «уезда». Это казалось концом всего. Впервые за долгое время я оживился и начал задавать вопросы: «А ты можешь остаться тут? А одна?», «А тут никого нет?», «Давай что-нибудь придумаем...» — на глазах происходила катастрофа вселенского масштаба. Но за нее все решили, и она лишь грустно констатировала факт, что ничего поделаться с этим она не может, и ей очень жаль.

Мы стояли на балконе и смотрели на закат. Я расстроился и почему-то обиделся на нее.

Она оживилась, будто желая приободрить меня:

— Закрой глаза!

— Зачем?

— Ну закрой!

Я догадывался, но до последнего не верил.

Она поцеловала меня.

Произошедшее просто разнесло сознание. Я никогда не целовался и очень переживал по этому поводу, но понял, что мыслил в совершенно иных плоскостях. Это был по-настоящему взрослый поцелуй, каким его видят подростки: языки заходили так глубоко, что удивительно, как не вызывали рвотных позывов. При всей одержимости моментом, я чувствовал, что она только что курила и содержимое ее рта имело специфический привкус табачных смол. Когда мы остановились, у меня в шортах образовался стояк в максимальной степени. Стоило нам начать разговор о ее будущем отъезде на целую вечность, как мне жутко захотелось поссать и закутило в нижней части живота.

Она была сильно растеряна и до того момента, но я был вынужден всячески дать ей понять, что мне стало плохо и нужно срочно идти домой. Я бежал вниз по лестнице, эмоции переполняли, а организм занимался каким-то своим делом по уходу от ответственности. На одном из лестничных проемов, когда я мог убедиться, что она уже ушла или не услышит — достал член и попытался хоть немного опустошить мочевой пузырь прямо там, ведь по ощущениям он вот-вот взорвался бы. Но ничего не вышло. Я выбежал из подъезда и побежал домой, оглядываясь на окна ее дома.

Она уехала. Мы общались по аське, но на меня продолжала давить мнимая ответственность, потому я неосознанно искал пути к отступлению. Ехать до

пункта назначения ей предстояло не одни сутки. В процессе разговора я узнал, что за ней захотел ухлестнуть безмозглый одноклассник, сообщив ей, что «выяснит, с кем у нее отношения, и набьет ему ебальник». Он не знал про меня — меня у Оли, но я знал про него. Это был Костя, что в детском саду прописал мне в дыхалку. Если дополнить историю, то он прописал мне как-то раз и в школе, на перемене: он чистил мандарин и не стеснялся ронять очистки мне на портфель, а я по какой-то причине решил ему указать на это. Он стукнул меня ровно так же, как в детском саду, и я ни то от боли, ни то от обиды зарыдал как дите — с прошлого раза прошло аж пол жизни. Тогда я зачем-то убежал на лестничный пролет, где меня стали жалеть некоторые одноклассницы, а потом подошел и он, извинившись в духе: «Я не думал, что так уебу. Извини, ладно?» Это был единственный человек, с кем у меня было что-то, что можно назвать дракой в какой-либо форме. Этот привет из прошлого стал краем. В голове же я, конечно, собрал целый список поводов для расставания, в который Костя не входил.

Я не помню, как порвал с ней, но через какое-то время она сама рассказала мне, что я позвонил и наговорил гадостей. Тогда я не поверил, что такое могло быть. Но сейчас, вспоминая себя, я уверен, что все так и было.

Я сбежал.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ (ДЛЯ ЭПИЛОГА)

В тот день я обнаружил на коже какие-то маленькие пятна, из-за чего решил сходить в кожно-венерологический диспансер. Из-за отсутствия каких-либо планов, у меня было время смириться с прогулкой. Когда все возможные причины никуда не идти закончились, мне ничего не оставалось, как отправиться ко врачу.

Подойдя к остановке и подсчитывая в кармане мелочь на проезд, я заметил симпатичную девочку, по всей видимости из колледжа неподалеку. Мы переглянулись. Ее присутствие сковывало, делая ожидание автобуса тягостным. Но спасительный автобус все же приехал. Чтобы не принимать участие в очереди, как всегда, захожу последним.

Укутавшись в пальто, смотрел на проверяющих билеты кондукторов, то и дело ожидая, пока они подойдут ко мне и спросят билет, а я в ответ потребую предъявить их маршрутный лист. Как раз за пару дней до этого услышал, что такой должен быть у каждого кондуктора, и что его часто нет на руках, а без листа они не имеют права проверять у тебя билет. Но кондукторы прошли мимо, и мой правовой азарт утих.

Из-за нечастых выходов за пределы четырех стен, каждый из них отмечался какими-то новыми открытиями: «Ого, кажется, вчера здесь не было этого огромного торгового центра».

Очутившись в совершенно незнакомом месте, пришлось полагаться на случай, в надежде случайно выйти на диспансер. Я проходил минут двадцать по холоду, и ноги в кедах промерзли до онемения. Навстречу мне шла девушка с коляской, у которой я решился спросить постыдный адрес. Она очень уверенно объяснила, в какую сторону мне идти и где куда поворачивать. Я выслушал, несколько раз поблагодарил ее и отправился дальше, поняв, что совершенно ничего не понял, из-за чего по пути пришлось побеспокоить еще несколько человек.

Оказалось, что я все это время ходил практически вокруг нужного здания. На пороге меня встретил гардероб и чей-то громкий выкрик возле справочной: «А где сдать тест на ВИЧ?» Несмотря на то, что ей сразу же ответили из окошка, что не заняло и пары секунд, очередь, стоявшая позади, уже завелась и не собиралась прекращать кидать проклятия в спину вопрошавшей из-за нарушения порядка.

В нужный кабинет я попал следом за парнем с кратерами на лице. Меня практически сразу отпустили, прописав один лишь «Акридерм» и назвав возможной причиной нервы. Было даже немного обидно — ради этого я выходил из дома?

Из-за прошлых плутаний найти остановку, чтобы поехать обратно, было затруднительно, поэтому я пошел в сторону, где предположительно был дом, в поисках знакомого пути. Чужой район придавал ногам скорости, а сердцу — ударов. Вскоре я нашел трамвайную остановку возле овощного рынка, к которой я в последний раз ездил в колготах и сандалиях, когда бабушка брала меня за покупками.

Внутри трамвая все оказалось тесным и непривычным, но от этого любопытным. Рядом со мной стояла девушка, которая сразу приглянулась моей наивности и страхам. Обратил внимание на ее аккуратные пальцы, изящно касающиеся перил. Представил, как завожу с ней какой-нибудь разговор, но вместо этого по голове ударяет звук скрежета открывающихся дверей, и я остаюсь один на один с собой. Следующую пару остановок до дома я рисовал в голове картины: возможно, у нас бы заладилась разговор, а может, даже продолжился за пределами этого неуклюжего трамвая.

Вышел на улицу и отправился домой. Уже поднимаясь по лестничной клетке, подумал, что неплохо провел время.

Закрываю за собой дверь.

Дом.

Издательство «Дистопия», 2019

Заведующий редакцией: Никита Каф

Обложка: Илья Кучин

Корректор: Динара Никитина